

БРАЗИЛИЯ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОСТСЕКУЛЯРИЗМА

Н. И. Шумакова, asp21sni179@susu.ru

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются исторические особенности развития бразильского государства, определившие его устройство, выявляются конституционно-правовые основы бразильского постсекуляризма, анализируются статистика антирелигиозных преступлений и судебная практика по делам о нарушении свободы вероисповедания. Целью исследования является идентификация рисков законодательного закрепления особого положения за одной конфессией в государстве со множеством религий.

Ключевые слова: постсекуляризм, свобода вероисповедания, религиозная нетерпимость, государственная политика, государственное устройство.

Для цитирования: Шумакова Н. И. Бразилия: конституционно-правовые основы постсекуляризма // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23, № 2. С. 95–100. DOI: 10.14529/law230214.

Original article
DOI: 10.14529/law230214

BRAZIL: CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF POST-SECULARISM

N. I. Shumakova, asp21sni179@susu.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article examines the historical features of the development of the Brazilian state that determined its structure, identifies the constitutional and legal foundations of Brazilian post-secularism, analyzes the statistics of anti-religious crimes and judicial practice in cases of violation of religious freedom. The purpose of the study is to identify the risks of legislatively securing a special position for one confession in a state with many religions.

Keywords: post-secularism, religious liberty, religious intolerance, state policy, state form.

For citation: Shumakova N. I. Brazil: constitutional and legal basis of post-secularism. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2023, vol. 23, no. 2, pp. 95–100. (in Russ.) DOI: 10.14529/law230214.

Постсекуляризм как теоретико-философская концепция был популяризован в начале XXI века Ю. Хабермасом. Согласно ей рационализм, возникший в процессе развития Западно-Европейской цивилизации, атипичен и не может быть перенят в качестве образца для стран с иными культурными и историческими особенностями [6, с. 18]. Более того, социологический прогноз Ю. Хабермаса предполагает, что глобализация будет способствовать все большему наращиванию влияния религии на жизнь общества и государства в странах со светским устройством. Подтверждение точности этого прогноза можно найти в более позд-

них мультидисциплинарных исследованиях (поскольку само понятие «постсекуляризм» не является конституционно-правовым, оно изучается преимущественно политологами и социологами, в частности как элемент национализма). Так, А. Поссамай утверждает, что само появление термина «постсекуляризм» было вызвано необходимостью отразить восстановление позиций религии в публичной сфере и тем самым дать определение возникшей новой форме светскости [7, с. 822]. В качестве одного из доказательств таких изменений в жизни общества и государства он приводит результаты анализа влияния шариа-

та в светской Австралии [7, с. 827], где установление государственной религии и придание особого статуса каким-либо религиозным нормам или ритуалам запрещены параграфом 116 Конституции. А. Поссамай акцентирует внимание на прецеденте 2011 года, когда Президент Австралийской Федерации Исламских Советов рекомендовал правительству страны от политики мультикультурализма перейти к правовому плюрализму, придав тем самым определенным мусульманским религиозным предписаниям силу закона, действие которого распространялось бы на исповедующие ислам слои населения [7, с. 828]. В пользу прогноза Ю. Хабермаса говорят и результаты социологических исследований, указывающих на наличие так называемых «духовных потребностей» у населения – проведенный в Дании кросс-секционный опрос граждан выявил, что 81,9 % респондентов испытывали духовные нужды в течение временного отрезка длительностью в один месяц [9, с. 1]. Проводившая опрос группа ученых интерпретировала полученные данные как доказательство того, что датское общество соответствует представлениям Ю. Хабермаса об обществе постсекулярном, где духовное и светское смешивается на макро- и микроуровнях, а потребность в духовности не исчезает в процессе приобретения новых знаний [9, с. 3]. О тенденции смещения государственных приоритетов в сторону духовно-нравственных ценностей заявляют и российские правоведы. Например, С. Б. Сафина находит их отражение во внесенных в 2020 году изменениях в Конституцию Российской Федерации, подчеркивая, что в России данные изменения проводятся с учетом особенностей многонационального и поликонфессионального состава общества [1, с. 104].

В изучении эволюционного перехода от светского государства к постсекулярному особый интерес представляет Федеративная Республика Бразилия (далее – ФРБ), в которой религиозная риторика и религиозные деятели в силу культурных и исторических особенностей развития страны имеют колоссальное влияние на жизнь общества и государства с момента ее основания [5, с. 83–107]. При этом бразильский постсекуляризм не только имеет конституционно-правовые основы, но и, как форма государственного устройства, существует достаточно длительный период времени для того, чтобы можно было выявить

риски законодательного закрепления особого положения за одной конфессией в государстве, не являющемся монорелигиозным.

Для понимания происходящих в Бразилии процессов необходимо обратиться к истории становления бразильской государственности. Дж. С. А. Берер в своем труде «Бразильская республиканская революция: старые и новые взгляды» в качестве основной причины Революции 1889 года называет «религиозный вопрос» – возникший в конце 1870-х годов кризис, вызванный конфликтом между католической церковью и представителями масонства [3, с. 43–57]. В другом своем научном исследовании, «Церковь и свержение бразильской монархии», он устанавливает следующие предпосылки событий, итогом которых стали раскол правительства, падение Кабинета Премьер-министра Риу-Бранку и военный переворот: 1) Конституция Бразильской Империи 1824 года в ст. 5 установила католицизм в качестве государственной религии, в то же время оставив за населением право индивидуально исповедовать любые религии, а за государством, в качестве меры обеспечения суверенитета, – право не исполнять нормы и предписания Святого Престола в случае их несоответствия национальному законодательству; 2) места в правительстве новой державы занимали представители знати и духовенства, увлеченные идеями либерализма и независимости, в частности, от Рима и Папы Пия IX, выпустившего в 1864 году «Силлабус», направленный на борьбу с различными формами либерализма, отделением церкви от государства, свободой вероисповедания и т.д.; 3) попытки Педру II нормализовать дипломатические отношения со Святым Престолом привели к назначению новых епископов, придерживающихся идей ультрамонтанства и действующих вопреки Конституции [4, с. 380–401]. На деизм правящих элит и «первобытное многобожие» рабочего класса как фактор, спровоцировавший кризис отношений между государственной властью и католической церковью, также указывает в своих исследованиях историк Р. С. де Баррос [2, с. 321].

Именно на фоне «религиозного вопроса» была сформирована Республиканская партия, в своем «Манифесте Республиканцев» 1870 года охарактеризовавшая симфонию властей как пережиток прошлого, мешающий развитию демократии. Логическим продолжением данного акта стал декрет 119-А от 7 декабря

1890 г., отделивший церковь от государства и провозгласивший свободу совести и вероисповедания (ст. 1–6). Конституция 1891 года продублировала данные положения в ст. 72, в ней же установив исключительно светский характер образования и учредив институт гражданского брака. Эти нормы получили свое отражение во всех последующих конституциях страны – 1934, 1937, 1946, 1967 и 1988 гг. Действующая Конституция ФРБ, принятая в 1988 году, гарантирует свободу совести и вероисповедания в ч. VI–VIII ст. 5, а в ч. I ст. 19 запрещает государству учреждать религии и церкви, равно как и заключать союзы с ними и их представителями. Во исполнение конституционной гарантии свободы совести и вероисповедания был также принят декрет «Религиозная свобода» № 16 серия I-A от 22 июня 2001 г., повторно закрепивший отделение государства от церкви и религиозных общин (ст. 3, 4), запрет на дискриминацию по религиозному признаку (ст. 1, 2) и светскость государственного образования (ст. 4). Итак, исходя из анализа перечисленных нормативных правовых актов, можно заключить, что Бразильская Республика является светской с момента своего основания, а принципы религиозной свободы и отделения церкви от государства лежат в основах ее государственности.

Несмотря на то, что ч. I ст. 19 Конституции ФРБ содержит запрет на установление отношений между церковью и государством, она допускает осуществление ими сотрудничества в интересах общества. Именно эта норма, дополнительно продублированная в ст. 5 Декрета № 16 I-A, позволила бразильскому правительству заключить два соглашения со Святым Престолом (Соглашение о религиозной помощи в Вооруженных Силах от 23 октября 1989 г. и Соглашение между Федеративной Республикой Бразилия и Святым Престолом о правовом статусе католической церкви в Бразилии от 13 октября 2008 г.) и не упразднить уже существующую на момент принятия Конституции 1988 года Службу религиозной поддержки в рядах вооруженных сил (ФЗ-6.923 от 19 июня 1981 г.). Наибольший интерес из этих нормативных правовых актов представляет Соглашение 2008 года. Ратифицированное Национальным конгрессом (Законодательный Декрет № 698 от 7 октября 2009 г.) и обнародованное Декретом

Президента ФРБ № 7.107 от 11 февраля 2010 г., оно закрепило следующие положения: 1) религиозное обучение ведется в государственных школах в обычные часы (ст. 10); 2) церковный брак в случае регистрации в надлежащем реестре влечет за собой гражданско-правовые последствия с даты его заключения; 3) при градостроительстве должно быть предусмотрено отведение специальных мест для религиозных нужд (ст. 14); 4) храмы и религиозная деятельность освобождаются от налогообложения (ст. 5); 6) ратификация постановлений церковного суда по делам семьи и брака (ст. 12); 7) право католической церкви на оказание духовной помощи в учреждении коллективного интернирования, включая больницы, тюрьмы и приюты (ст. 8); 8) отношения между католическими религиозными учреждениями и работающими в них волонтерами не регулируются нормами трудового права ФРБ (ст. 16); 9) монахам, священникам, пастырям и иным религиозным служителям гарантируется государственная пенсия. Формально данное Соглашение не нарушает норм международного права и Конституции ФРБ, так как признает автономность обеих сторон, а закрепление за католической церковью указанных прав и льгот совершенно с оговоркой о том, что они не направлены на ущемление принципа религиозной свободы или положение других конфессий в Бразилии. Действительно, за исключением новелл, представленных в ст. 12 и ст. 16, остальные нормы ранее уже были предусмотрены бразильским законодателем по отношению ко всем конфессиям страны. Так, право предоставлять духовную помощь в учреждениях коллективного интернирования закреплено в ст. 5 Конституции ФРБ, во исполнение которой также принят ФЗ-9.982 от 14 июля 2000 г., а включение религиозного обучения в качестве факультативной, но неотъемлемой части основного образования, призванной обеспечить уважение к культурно-религиозному многообразию страны, предусмотрено ст. 210 Конституции ФРБ и ст. 33 ФЗ-9.394 от 20 декабря 1996 г. «Об установлении принципов и основ национального образования» (с изм. от 22 июля 1997 г., внесенными ФЗ-9.475). Не является новеллой бразильского законодательства и предоставление государственных пенсий религиозным служителям – ФЗ-9.876

от 26 ноября 1999 г. ранее уже приравнял их к индивидуальным налогоплательщикам.

На базе Соглашения со Святым Престолом 2008 года в целях поддержания принципа равенства всех религий в ФРБ был разработан законодательный проект № 160 (PL5598/2009) от 8 июля 2009 г. под рабочим названием «Общий закон о религиях», который должен был наделить равными с предоставленными католической церкви правами остальные религиозные организации и объединения страны. Однако согласно данным реестра Палаты депутатов он не был принят и имеет на сегодняшний день статус отправленного в архив. Взамен PL5598/2009 в 2020 году был представлен законопроект PL4188/2020, предполагающий введение дополнительных мер обеспечения свободы вероисповедания, в том числе: 1) предоставление религиозным организациям права свободно учреждать, изменять и упразднить свои институты; 2) признание государством всех форм религиозных объединений и приравнивание их в льготах и правах к религиозным организациям; 3) признание религиозных учреждений объектами культуры; 4) предоставление доступа к государственным ресурсам религиозным организациям и объединениям, чья деятельность направлена на сохранение и распространение знаний о культурных ценностях страны; 5) возможность сотрудничества между органами исполнительной власти и религиозными учреждениями посредством заключения соглашений в интересах общества. На сегодняшний день проект все еще ожидает рассмотрения Палатой Депутатов. Таким образом, в Бразилии католическая церковь де-факто находится в привилегированном положении с 2010 года.

Судебная практика и официальная статистика случаев религиозной нетерпимости в ФРБ свидетельствуют о недостаточности, если не сказать номинальности, существующих правовых гарантий и способов охраны принципов свободы вероисповедания и равноправия религий. Министерство женщин, семьи и прав человека совместно с Институтом общественной безопасности Рио-де-Жанейро и Государственным секретариатом Рио-де-Жанейро представили следующие данные на 18 января 2023 г.: в 2020 году количество зарегистрированных заявлений о религиозной нетерпимости составило 353, в 2021 – это количество выросло на 63 % и составило 966 заявлений, а на июнь 2022 (более поздние

данные не обнародованы) было зарегистрировано 545 заявлений [8]. Чаще всего согласно этим же статистическим данным преступления, подпадающие под ст. 208 Уголовного кодекса ФРБ (предусматривает уголовную ответственность за публичное оскорбление по религиозному признаку, осквернение мест отправления религиозных служб и ритуалов, а также за препятствие их отправлению), совершаются в отношении представителей афро-бразильских религий – до 25,26 % от общего числа (где преступления по отношению к евангелистам составляют до 19,25 %, к католикам – до 12,94%, к представителям других религий – до 16,56 %, к атеистам – до 1,76 %, к лицам, отказавшимся назвать свою конфессиональную принадлежность, – до 24,22 %). Офис Международной Свободы Вероисповедания при Государственном Департаменте Соединенных Штатов Америки в своем единственном на сегодняшний день опубликованном «Докладе о международной свободе вероисповедания» за 2021 год тоже уделяет внимание росту преступлений на почве религиозной и этнической ненависти в ФРБ, акцентируя внимание на предпринимаемых мерах противодействия религиозному экстремизму, таких как проведение специальных операций бразильской федеральной полицией и учреждение комиссий для борьбы с продолжающим расти числом проявлений религиозной нетерпимости, в частности нападений на афро-бразильские храмы. Здесь необходимо отметить, что защита религиозных верований коренных и афро-бразильских меньшинств обеспечивается не только ст. 208 УК ФРБ, но и ст. 18 ФЗ-12.288 от 20 июля 2010 г. «О расовом равенстве», гарантирующей государственную защиту их культурных и духовных традиций. Тем не менее попытки воспрепятствовать представителям афро-бразильских религий проводить литургии и ритуалы, а иногда и криминализировать последние, предпринимаются не только на индивидуальном уровне, но также на уровне законодательства субъектов ФРБ и муниципальных единиц. В качестве примера здесь можно привести включение в Муниципальный кодекс уборки городов Порто-Алегри от 10 октября 1990 г. (ст. 43 закона 234/90, утратил силу в 2014 году) норм, не позволяющих оставлять верующим останки животных в общественных местах, а также требования признать неконституционным закон 12.131

/2004 штата Риу-Гранди-ду-Сул (чрезвычайная апелляция министра М. Аурелио), принятый в дополнение к ст. 2 Кодекса о защите животных (закон 11.915 от 21 мая 2003 г.) с целью разрешения представителям афробразильских религий совершать ритуальные жертвоприношения (ст. 1). Суд Федерального округа и территорий ФРБ признал ст. 43 234/90 нарушающей свободу вероисповедания, гарантированную ст. 5 Конституции ФРБ (ADI70024938946/RS от 13 апреля 2009 г.), а чрезвычайная апелляция, направленная на ущемление прав религиозных меньшинств, была единогласно отклонена Федеральным Верховным судом ФРБ (RE 494601/RS от 28 марта 2019 г.). Отдельного упоминания заслуживает принятие в 2010 году закона 74/2010 Штата Амазонас, ст. 1, 2 и 4 которого обязывали все школы и библиотеки иметь в наличии хотя бы один экземпляр библии, тем самым в очередной раз наделяя католическую церковь особым статусом. Спустя 11 лет после принятия закона и 6 – с момента подачи иска Генеральным прокурором Бразилии Р. Джано, в 2015 году Пленум Федерального Верховного суда ФРБ признал все три статьи неконституционными и нарушающими принципы равенства религий и светскости государства (ADI 5258/AM от 13 апреля 2021 г.).

Изучая влияние религии на происходящие в Бразилии общественные и политические процессы, нельзя не упомянуть и резолюцию Высшего электорального суда ФРБ 22.718 от 28 февраля 2008 г., принятую перед очередными выборами, в ст. 12–13 которой церквям и храмам запрещается использование динамиков и усилителей звука, чье действие распространяется более, чем на 200 метров, а также запрещается размещение рекламы любого вида и свойства внутри и снаружи их помещений. Данная резолюция призвана обеспечить невмешательство церкви в избирательный процесс.

Анализ бразильского законодательства, статистики преступлений и судебной практики позволяет заключить, что постсекуляризм

в Бразилии действительно имеет конституционно-правовые основы, а утверждение о том, что религия оказывает влияние на самые различные сферы жизни общества и государства этой страны [5, с. 83–107], включая такие важные социальные институты, как армия, семья и брак, является справедливым. В то же время государство и церковь в ФРБ сохраняют свои автономии, взаимодействуя исключительно в интересах общества. Проведенный анализ также позволяет выявить основные риски существования соглашений о сотрудничестве лишь с одной из религиозных организаций в поликонфессиональном государстве. Среди них: 1) рост противоречивых нормативных правовых актов субъектов Федерации и муниципалитетов, связанный с восприятием норм соглашений как фактического предоставления данной конфессии исключительных правомочий; 2) нарушение конституционных принципов отделения церкви от государства и свободы вероисповедания; 3) рост преступлений, сопряженных с религиозной ненавистью; 4) маргинализация отдельных слоев населения по этническому и религиозному признакам; 5) радикализация и дестабилизация общества. В Бразилии исправить сложившуюся ситуацию поможет принятие в ближайшем будущем специального закона, уравнивающего в правах все религиозные организации и объединения страны, работа над усовершенствованием проекта которого ведется уже более десяти лет. В качестве дополнительных мер, направленных на решение и предотвращение такого рода кризисов в странах с новой формой светскости, могут служить повышение правовой культуры населения и создание государством условий для взаимодействия представителей различных религий между собой, то есть способствование появлению межконфессионального диалога, на необходимость существования которого указывал Ю. Хабермас, говоря о том, что одного лишь принятия и применения законов недостаточно для гармонизации постсекулярного общества [6, с. 23].

Список источников

1. Сафина С. Б. Духовно-нравственные начала и принципы в системе конституционных ценностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 1. С. 101–105.
2. Barros R. S. M. O Brasil monárquico: declínio e queda do Império. São Paulo: Difei, 1974, pp. 317–337.
3. Boehrer G. C. A. The Brazilian Republican Revolution: Old and New Views. Luso-Brazilian Review, 1966, Vol. 3, no. 2, pp. 43–57.
4. Boehrer G. C. A. The Church and the Overthrow of the Brazilian Monarchy Hispanic American Historical Review, 1968, Vol. 48, no. 3, pp. 380–401.
5. Burity J. Conservative Wave, Religion and the Secular State in Post-impeachment Brazil. International Journal of Latin American Religions, 2020, no. 4, pp. 83–107.
6. Habermas J. Notes on Post-Secular Society. New Prospectives Quarterly, 2008, no. 25, no. 4, pp. 17–29.
7. Possamai A. Post-secularism in multiple modernities. Journal of Sociology, 2017, Vol. 53, no. 4, pp. 822–835.
8. Segundo Relatório sobre Intolerância Religiosa: Brasil, América Latina e Caribe. Available at: unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384250.
9. Stripp T. A., Wehberg S., Büssing A. Spiritual needs in Denmark: a population-based cross-sectional survey linked to Danish national registers. The Lancet Regional Health – Europe, 2023, no. 28, pp. 822–835.

References.

1. Safina S. B. [Spiritual and moral principles and principles in the system of constitutional values]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"], 2023, Vol. 23, no. 1, pp. 101–105. (in Russ.)

Информация об авторе

Шумакова Наталья Игоревна, аспирант кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Natalia I. Shumakova, postgraduate student of Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Поступила в редакцию 8 мая 2023 г.

Received 8 May 2023.